

МОГИЛЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяць: 1, 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодому—2 руб. 50 коп.

№ 24.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ Могилевѣ губернскомъ.

21 августа.

Годъ XVII.

1899 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Преоданіе Архипастырскаго благословенія.

Его Преосвященствомъ 9 августа преодано Архипастырское благословеніе—старостѣ Княжичской церкви, Могилевскаго уѣзда, Павлу *Яришеву*—за его значительныя пожертвованія на украшеніе св. храма.

Награжденіе церковнаго старосты похвальнымъ листомъ.

Его Преосвященствомъ, 26 іюля староста Хотимской Троицкой церкви, Климовичскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Маркъ *Мошлевцевъ*, „за долговременную и отлично-усердную службу“, награжденъ похвальнымъ листомъ.

Перемѣны по службѣ.

— Окончившій курсъ ученія въ Могилевской духовной семинаріи Евѳимій *Ильинскій*, резолюціею Его Преосвященства отъ 11 августа, назначенъ на псаломщичское мѣсто къ Мстиславской Троицкой церкви.

Іеромонахъ Пустынскаго монастыря *Пантелеймонъ*, резолюціею Его Преосвященства отъ 15 августа, согласно прошенію, по болѣз-

ненному состоянію здоровья, уволенъ отъ должности казначея поименованнаго монастыря, а на его мѣсто назначень ризничій того же монастыря іеромонахъ *Николай*, ризничьимъ же назначень іеромонахъ *Филаретъ*.

Вакантное мѣсто.

а) Священническое при—

Тетеринской церкви, Могилевскаго уѣзда, съ 3 августа; жалованья 500 руб.; церковной земли 237 дес. 2288 кв. саж.; помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 1630 д. муж. п. и 1646 д. жен. п.

Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Могилевской епархіи.

О.о. Благочиннымъ Епархіи.

Правленіе Эмеритальной кассы просить *О.о. благочинныхъ* поспѣшить высылкою въ кассу слѣдуемыхъ отъ причтовъ взносовъ и при высылкѣ руководствоваться 18 § Устава Эмеритальной кассы.

Отъ Педагогическаго Совѣта Буйничской женской второклассной школы.

Педагогическій Совѣтъ школы доводитъ до всеобщаго ввѣдѣнія, что, по случаю капитальной ремонтровки школы, учебныя занятія начнутся со втораго октября, а приѣмные экзамены и переэкзаменовки будутъ производиться 30 сентября.

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Преподаніе Архипастырскаго благословенія.—Награжденіе церковнаго старосты похвальнымъ листомъ.—Перемены по службѣ.—Вакантное мѣсто.—Отъ Правленія Эмеритальной кассы духовенства Могилевской епархіи.—Отъ Педагогическаго Совѣта Буйничской женской второклассной школы.

Редакторъ *И. Пятницкій*.

Печат. довол. 1899 г. 19 августа. Цензоръ, *Каведраальный Протоіерей І. Михай*.
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланд А.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 августа. № 24. 1899 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Что нужно, чтобы пастырская дѣятельность была благотворна для самихъ пастырей и ихъ пасомыхъ? *)

Лучшій отвѣтъ на поставленный вопросъ мы найдемъ въ словахъ Апостола Павла: „*тщаниемъ не лниви, духомъ горяще, Господеви работающе*“ (Рим. XII, 11).

Тщаниемъ не лниви. Нечего и говорить о томъ, что успѣхъ всякаго дѣла и служенія, а равно и его плодотворность и польза, зависятъ отъ усердія. Безъ усердія никакое дѣло не спорится и всякое служеніе бываетъ только въ тягость себѣ и безъ пользы для другихъ. Тѣмъ болѣе это должно сказать о служеніи пастырскомъ, съ которымъ по важности и трудности едвали какое другое служеніе можетъ сравняться. Отсутствие ревности и усердія къ дѣлу, лѣньность обыкновенно развиваетъ небрежное, механическое отношеніе къ обязанностямъ, а такое отношеніе, если и можетъ еще поддерживать нѣкоторую наружную исправность и исполнительность, то всегда дѣлаетъ служеніе для самого пастыря тягостнымъ и обременительнымъ, а для пасомыхъ неудовлетворительнымъ. Ибо механическое отношеніе къ обязанностямъ, какъ безжизненное и бездушное, не можетъ удовлетворять живымъ и многостороннимъ духовнымъ потребностямъ пасомыхъ. Особенно это должно сказать о нашемъ времени, существеннымъ признакомъ котораго служить замѣтный подъемъ вѣры и набожнаго чувства во всѣхъ слояхъ русскаго народа. А поэтому-то теперь, при усиленномъ пробужденіи вѣры и набожности въ народѣ и при возникающей отсюда потребности

*) „Под. Еп. Вѣд.“ 1899 г. № 31.

всѣми мѣрами поддерживать ихъ и направлять, паству Церкви постоянно предъявляются требованія къ исполненію долга самымъ тщательнымъ образомъ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Отъ него требуется, чтобы онъ самъ и училъ вѣрѣ и богопознанію пасомыхъ съ малолѣтства чрезъ обученіе ихъ грамотѣ, и доставлялъ имъ средства къ усовершенствованію въ нихъ себя впослѣдствіи чрезъ постоянныя собесѣдованія съ ними и распространеніе соответствующихъ книгъ; чтобы постоянно будилъ эту вѣру и развивалъ набожное чувство своимъ примѣромъ, своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, благоговѣйнымъ богослуженіемъ и благочестивою жизнію; чтобы постоянно вникалъ въ жизнь пасомыхъ, всею дѣятельностію своею направляя ее на путь истины, добра и правды, и зорко слѣдилъ и предотвращалъ ихъ отъ уклоненія отъ этого пути. А всѣмъ этимъ требованіямъ невозможно удовлетворить при холодномъ отношеніи къ дѣлу, однимъ механическимъ исполненіемъ внѣшнихъ обязанностей. Если пастыри и съ горячимъ усердіемъ къ назиданію своей паствы съ великимъ трудомъ успѣваютъ въ этомъ дѣлѣ, то какого ожидать успѣха отъ пастырей хладныхъ по духу, исполняющихъ обязанности пастырскаго служенія, хотя и постоянно, но неохотно, по наружности, по приличію, по видамъ корыстолюбія, честолюбія и проч. Отчего же, спросятъ насъ, пропадаетъ въ иныхъ пастыряхъ та ревность къ достойному прохожденію своего служенія, съ которой они вступали на паству? Оттого, какъ надо полагать, что та ревность въ нихъ не была сильною, не охватывала всѣхъ силъ души, а принадлежала только уму и подобна была быстро вспыхивающему легкому пламени, которое быстро же и уничтожается дѣйствіемъ воды или даже движеніемъ воздуха. Не часто ли бываетъ достаточно одной минуты нравственного нашего усыпленія, чтобы незамѣтно подкралась къ намъ лѣность съ своими внушеніями, которыя поистинѣ суть черви, истачивающіе самую, такъ сказать, сердцевину нашего духа, нашу свободную волю? А посему какъ нужно пастырямъ быть внимательными къ себѣ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, чтобы не только не угнать въ себя духа ревности, но и напротивъ возрѣвать его, потому что, по Апостолу, только подъ условіемъ горенія духомъ возможно вѣрное исполненіе христіанскихъ, а тѣмъ болѣе пастырскихъ обязанностей!

Духомъ горяще. Во всякомъ дѣлѣ и занятіи бодрость духа и усердіе поддерживаются любовью къ самому дѣлу или предмету занятія, и эта любовь переходитъ въ пламенное увлеченіе предметомъ, по мѣрѣ усовершенствованія себя въ познаніи его. Ученый, чрезъ постоянное занятіе извѣстнымъ предметомъ и расширеніе круга своихъ познаній о немъ, дѣлается любителемъ своего предмета и пламенно увлекается своимъ занятіемъ. Художникъ, чрезъ постоянное усовершенствованіе себя въ искусствѣ, дѣлается ревнителемъ искусства, горячо преданнымъ ему. А посему и строители Тайнъ Христовыхъ, пастыри Церкви, руководящіе другихъ въ познаніи вѣры Христовой, чтобы пламенѣть духомъ къ своему служенію, должны сами постоянно усовершаться въ томъ же познаніи! Они, конечно, получили въ школѣ достаточный запасъ знанія истинъ вѣры Христовой, но тѣмъ не менѣе вѣра Христа не есть наука, которую можно изучить сразу и больше къ ней не возвращаться, а есть жизнь духа, требующая для своего поддержанія постояннаго питанія. А питается она въ духѣ чрезъ постоянное его занятіе предметами религіозными, чрезъ постоянное уясненіе себѣ истинъ вѣры и проникновеніе ими ума и сердца, чрезъ молитву и богомысліе, благодаря которымъ оплодотворяется истинами вѣры нашъ духъ и возгарается огнемъ любви и стремленія къ Богу. Какъ нельзя напиться сразу пищею тѣлесною, чтобы не ощущать больше нужды въ ней, такъ нельзя напитать и душу истинами вѣры въ одинъ разъ, чтобы больше ими уже не заниматься. Кто перестаетъ заниматься предметами вѣры, совершенствовать себя въ богопознаніи и упражняться въ богомысліи, предаваясь однимъ только мірскимъ дѣламъ и суетѣ житейской, тотъ хладѣетъ духомъ, умираетъ духовно, ибо духъ его лишается пищи, которой замѣнить нельзя ничѣмъ. — Вопросилъ нѣкогда игумень одного монастыря старца Пимена: „како могу стяжати умиленіе?“ — И старецъ отвѣчалъ ему: „какое умиленіе можетъ быть въ томъ сердцѣ, которое постоянно занято горшками сыровъ, черепками масла и иными многими поеченіями о предметахъ внѣшнихъ!“ — Не примѣнимъ ли и къ намъ, служители религіи духа и истинны, этотъ знаменательный отвѣтъ? Не замѣчается ли и въ насъ то же отсутствіе идеальныхъ интересовъ и преобладаніе низменныхъ практическихъ наклонностей и стремленій? И въ самомъ дѣлѣ, какого подъема и мужества духа,

какихъ высокихъ нравственныхъ доблестей ожидать отъ человѣка, постоянно роющагося въ землѣ и не хотащаго знать ничего, кромѣ личныхъ интересовъ своихъ? Это, очевидно, не господинъ земли въ смыслѣ Библии, какъ вѣнецъ, творенія, отражающій въ себѣ славу Божию въ дѣлахъ правды, милости и любви.

Свойство христіанскихъ истинъ таково, что чѣмъ больше мы въ нихъ вникаемъ и стараемся уразумѣть и выяснитъ себѣ и чѣмъ шире раскрывается предъ нами горизонтъ нашего пониманія ихъ, тѣмъ больше проникается ими и располагается къ нимъ наше сердце и весь духъ и тѣмъ пламеннѣе возгарается въ насъ огонь любви божественной и рвеніе къ служенію Богу всею жизнію и дѣлами. Поэтому необходимо читать слово Божіе и все, что относится къ его толкованію и разъясненію истинъ вѣры, читать и размышлять, заниматься и самимъ богомысліемъ при постоянномъ молитвенномъ настроеніи духа, потому что только чрезъ такое постоянное упражненіе въ уразумѣніи истинъ откровенныхъ Самъ Богъ Духомъ Своимъ дастъ намъ крѣпко утверждаться во внутреннемъ человѣкѣ, и вселится *Христосъ въ рою въ сердца наша* (Еф. 3, 16), воспламеняя нашъ духъ ревностію къ служенію Ему. А эта-то ревность и пламененіе духа къ Богу и есть источникъ какъ всякой плодотворной христіанской дѣятельности, такъ и служенія пастырскаго. Ибо тогда пастыри и сами будутъ питаться и другихъ насыщать, и сами будутъ приносить плоды и другихъ оплодотворять, и сами будутъ спасаться и слушающихъ спасать. Тогда и служеніе ихъ будетъ назидательно, трогательно и умилительно; и имъ оно не будетъ въ тягость, и для другихъ оно не будетъ не плодотворно. Ибо они тогда будутъ *Господеву работающе*, — служить и трудиться для одного Господа, иго Котораго всегда бываетъ благо и бремя легко.

Господеву работающе. Если что можетъ сдѣлать служеніе пастыря для него тягостнымъ и для другихъ безплоднымъ, такъ это именно потеря изъ виду этой главной цѣли его служенія — труда для Господа. Никакая другая цѣль земная и своекорыстная не можетъ ни воодушевить его въ прохожденіи служенія, поддерживая ревность, ни даже примирить съ нимъ, ибо въ пастырскомъ служеніи низменныя цѣли личныя и земныя несовмѣстимы съ высокими цѣлями небесными, подобно тому какъ служеніе Богу, по слову Спасителя, несовмѣстимо съ служеніемъ мамонѣ. А между тѣмъ,

если когда, такъ именно въ настоящее время представляется особенно много искушеній и поводовъ къ смѣшенію цѣлей небесныхъ съ цѣлями земными и къ замѣнѣ однѣхъ другими. Ибо постоянное возрастаніе потребностей и расширеніе ихъ, привычка къ удобствамъ жизни и изнѣженность, стремленіе сдѣлать жизнь легкою и пріятною, устранивъ, по возможности, всѣ тяготы ея, — все это стало отражаться теперь и на характерѣ отношенія людей къ дѣлу вѣры и породило то, что люди, при видимой набожности, всѣми мѣрами стараются въ настоящее время облегчить самовольно путь спасенія. Нынѣ немногіе уже помышляютъ о высокихъ добровольныхъ подвигахъ евангельской самоотверженной любви, отреченія отъ собственности, умерщвленія плоти; еще менѣе такихъ, которые напрягаютъ волю къ ихъ осуществленію. Немногіе также нынѣ имѣютъ въ виду, что спасеніе всего успѣшнѣе достигается *въ трудѣ и изнуреніи, въ болѣзни, въ голодѣ и жаждѣ, въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ* (2 Кор. XI, 27). Нѣтъ, теперь большинству хочется спастись какъ-нибудь легко и удобно, безъ борьбы и сидя въ спокойномъ креслѣ за сытою трапезою, не лишая себя даже пріятныхъ развлеченій и удовольствій. Но такъ какъ ко спасенію ведутъ все-таки не широкія врата, какъ всѣ сознаютъ, а узкій путь, то большинство старается, по возможности, обойти всѣ трудности этого пути отмененіемъ или просто неисполненіемъ всѣхъ тѣхъ повелѣній и заповѣдей, въ особенности церковныхъ, которыя требуютъ для исполненія усиленнаго напряженія воли и самоотверженія, и дѣлая только то, что легко и не требуетъ особаго труда. При этомъ люди съ претензіями на умъ берутъ себѣ въ руководители свое личное убѣжденіе и силятся оправдать себя имъ, не желая конечно, знать, что личное убѣжденіе—это, по большей части, такое принятое мною за правило мнѣніе, которое не трогаетъ моихъ предрасудковъ, привычекъ и страстей, что-то въ родѣ одежды, спитой на уродливые члены тѣла, которое не жметъ у меня нравственныхъ наростовъ. А чтобы успокоить свою все-таки мятущуюся совѣсть, они ищутъ этого успокоенія, а нерѣдко даже какъ будто оправданія, отъ пастыря, и во всякомъ случаѣ ужъ не любятъ, чтобы онъ будилъ эту совѣсть своими напоминаніями и вразумленіями и нарушалъ ихъ благодушіе своими обличеніями. Какъ часто пастырямъ говорятъ—одни, что не могутъ постовъ выносить, пища тяжела и непитательна; другіе—

что не могут службы выстаивать; однимъ—совѣмъ некогда молиться и говѣть за множествомъ дѣлъ, другимъ—тяжело рано вставать для церковной молитвы и говѣнія. Одни даже на время не могутъ отказать себѣ въ излишествахъ, разстаться съ развлечениями и удовольствіями, къ которымъ привыкли; другіе и нѣкоторыхъ пороковъ даже не считаютъ пороками, а дѣломъ обычнымъ. И вотъ находятся, къ несчастію, пастыри, которые, изъ ложнаго желанія войти въ расположеніе людей, не только потворствуютъ всему этому и замалчиваютъ, но иногда даже своею предупредительностью едва не поощряютъ. Но это уже не служеніе Господу, а служеніе человѣческимъ страстямъ, и не ревность о Господѣ, а человѣкоугодіе. Такіе пастыри едвали не хуже евангельскаго наемника: тотъ, при видѣ волка грядущаго, бѣжитъ и, конечно, скажетъ хозяину объ опасности, а эти сами съ овцами молчаливо и покорно идутъ къ нему навстрѣчу. Тотъ бѣжитъ и, значить, лишается мѣста, теряетъ ту награду, которая слѣдовала бы ему за трудъ отъ хозяина овецъ. Онъ бѣжитъ и тѣмъ открываетъ мѣсто для другаго пастуха, болѣе честнаго и способнаго, который *распуанныхъ* и разбѣжавшихся овецъ вновь соберетъ во дворъ овчій. А такіе пастыри, оставаясь на своемъ мѣстѣ, спокойно смотрятъ, какъ волкъ расхищаетъ овецъ, даже чуть не гонятъ ихъ къ нему навстрѣчу. Но такіе пастыри, потворствующіе страстямъ и порокамъ своихъ пасомыхъ, не приносятъ ожидаемой пользы ни Церкви, ни обществу, которыя заботятся если не объ искорененіи, то по крайней мѣрѣ объ ограниченіи этихъ нравственныхъ недуговъ. Подобные пастыри забываютъ, *яко любви міра сего—вражда Богу есть; иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. IV, 4). Но при измѣнѣ Богу, при уклоненіи отъ главной цѣли служенія—*Господеву работающе*,—не достигается вполнѣ и никакая другая земная цѣль, равно какъ и похвала и расположеніе людей, ибо всегда явится больше порицающихъ такое неправильное отношеніе къ дѣлу, нежели хвалящихъ, и притомъ эта послѣдняя часть людей всегда бываетъ самая худшая въ духовной жизни. Напротивъ, кто служитъ не двумъ господамъ, а одному Господу, кто осуществляетъ въ своей дѣятельности одну только волю, которая да будетъ и на землѣ, какъ на небѣ, тому, *и отъ него—атрговой амедатъев отъевъ сжедъ*. *Имгнѣрнѣлоа пѣлово* согласно словамъ Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сѧ вся приложатся вамъ* (Матѣ. VI, 33),—не только

будетъ великая похвала отъ Бога, но и нерѣдко бываетъ немалая отъ міра, отъ людей. Міръ чувствуетъ нѣкоторую почтительную боязнь къ твердой добродѣтели, которая осмѣливается отказать ему въ томъ, чего онъ не вправѣ отъ нея требовать. Онъ въ сущности никого столько не уважаетъ, сколько тѣхъ, которые имѣютъ смѣлость противиться ему, и подъ конецъ часто начинаетъ слѣдовать тѣмъ, кого вначалѣ отвергалъ. Такіе дѣятели—святое сѣмя человѣческихъ обществъ, опора и залогъ порядка, мира, правды и успѣховъ въ общественной жизни; объ этихъ людяхъ молитвы и воздыханія народа, за ними благословенія обществъ.

Когда св. Амвросій Медиоланскій приближался къ блаженной своей кончинѣ, первый министр императора съ болѣзненнымъ вздохомъ произнесъ: „погибнетъ Италія, если умретъ этотъ святитель!“ Потомъ отправилъ къ умирающему человѣку Божію нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей, умоляя чрезъ нихъ, чтобы угодникъ Божій испросилъ себѣ у Господа еще нѣсколько лѣтъ жизни для пользы Церкви и государства. Человѣкъ Божій веземъ очи свои на небо и сказалъ: „благодарю Тебя, Господи Боже мой, что я, хотя и грѣшный человѣкъ, жилъ по Твоей благодати такъ, что не стыжусь долге жить и не боюсь смерти!“ Блаженъ пастырь, который, подобно сему человѣку Божію, обозрѣвая теченіе своего жизненнаго пути, можетъ съ спокойнымъ духомъ сказать то же самое, или что сказала о себѣ Ап. Павелъ при концѣ своего земнаго поприща: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7). Это—блаженный удѣлъ только тѣхъ вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ, которые, въ продолженіе всей своей жизни, *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе*, исполняютъ возложенный на нихъ долгъ служенія Церкви и отечеству. Утвердившись въ добромъ христіанскомъ воззрѣніи на жизнь, эти люди обыкновенно видятъ въ служеніи дѣлу, къ которому приставлены, цѣль своихъ частныхъ трудовъ и заботъ, свое призваніе и поприще для своихъ силъ и талантовъ. Высоко ли въ глазахъ свѣта ихъ дѣло или не высоко, для нихъ это все равно: *судія имъ Господь* (I Кор. IV, 3—4), а не кто-либо другой; они относятся къ своему дѣлу съ искреннею любовью и сочувствіемъ, такъ что иногда до того привыкають къ трудамъ своего служенія, что развлеченія наводятъ на нихъ скуку и тоску, и для нихъ было бы величайшимъ

несчастьемъ, еслибы ихъ оставили безъ дѣла: *горе мнѣ, аще не благовѣствую*,— говорить о себѣ Ап. Павелъ (I Кор. IV, 16). Успѣхъ дѣла, которому они служатъ, составляетъ ихъ лучшую радость, и ради этого они способны жертвовать своими личными житейскими успѣхами и выгодами, своимъ спокойствіемъ, способны даже не замѣчать разныхъ неудобствъ, опасностей и скорбей, естественно связанныхъ съ ихъ служебнымъ положеніемъ, *и все сіе терпятъ, да не прекращеніе кое дадутъ благовѣствованію*.

О еслибы примѣръ подобныхъ честныхъ дѣятелей послужилъ для насъ правиломъ, какъ на свѣтѣ жить! О еслибы каждый изъ насъ съ истинною ревностью и съ совершенною преданностью волю Божіей вступилъ въ борьбу противъ всего, что враждебно Церкви и отечеству! Какъ чудно совершилось бы тогда возрожденіе и обновленіе нашего общества на почвѣ церковно-приходской жизни!

С.

БѢДНЫЯ ДѢТИ*).

И приимъ отроча, постави е посредь ихъ и объемъ е и рече имъ: еже аще едино таковыхъ отрочатъ прииметъ во имя Моє, Мене приѣмлетъ. (Марк. IX, 36—37).

Родимый, подайте Христа ради милостынюку!.. я сирота... отца и матери нѣтъ... цѣлый день не ѣлъ... подайте, кормилецъ.

Такъ бѣдныя дѣти на городскихъ улицахъ вымаливаютъ подаваніе у прохожихъ. Это особенно замѣтно бываетъ въ базарные дни, когда наряду съ городскими нищими дѣтьми на торговыхъ улицахъ и площадяхъ появляются дѣти, пришедшія изъ ближайшихъ селъ въ надеждѣ собрать богатую городскую милостыню. Но еще чаще подобныя явленія наблюдаются по селамъ. Не говоря уже о базарахъ и ярмаркахъ, гдѣ нищенство дѣтей практикуется давно, но и въ глухихъ поселкахъ и деревняхъ сельскому обывателю постоянно приходится видѣть подъ окнами дѣтей съ сумами на плечахъ, просящихъ милостыню.

---

*) „Тамб. Еп. Вѣд.“ 1899 г. № 21.

Главнѣйшею причиною нищенства дѣтей въ селахъ служить бѣдность. Бѣднѣйшіе родители, не имѣя возможности содержать свою семью и стыдясь сами надѣть суму и идти по міру, зачастую посылаютъ для этого своихъ дѣтей, которыя по малолѣтству еще не знаютъ стыда. Одни изъ бѣдныхъ дѣтей нищенствуютъ временами, большею частію въ поминальныя субботы, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда можно рассчитывать на щедрія подаянкі; другія нанимаются въ качествѣ вожаконъ и сборщиконъ подаянн къ слѣпымъ и хромымъ и калѣкамъ разнаго рода, въ большомъ количествѣ странствующимъ по селамъ. Но за послѣднее время не мало стало появляться и такихъ дѣтей, которыя по внушенію родителей нищенствуютъ постоянно по цѣлому околотку и смотрятъ на нищенство, какъ на доступное и легкое занятіе, дающее заработокъ. Расчеты въ этомъ случаѣ понятны. Дитя въ десять—двѣнадцать лѣтъ по своему слабосилію, какъ извѣстно, еще не способно для платнаго труда, а потому оно въ семьѣ ничего не дѣлаетъ и даромъ ѣстъ хлѣбъ. Если же оно и можетъ гдѣ либо найти работу, то его примутъ за самую ничтожную плату, а то и вовсе только изъ хлѣба. Между тѣмъ, какъ побираясь, дитя не только само кормится, но и приноситъ кое что домой, и если это кое что въ сутки, напримѣръ, составитъ фунговъ пятнадцать муки, столько же кусковъ хлѣба, да пожалуй еще нѣсколько мелкихъ монетъ, то за цѣлую весну или зиму получается и нѣчто въ родѣ заработка, каковой никакими другими способами дитя не могло бы добыть. А это имѣетъ большое значеніе для бѣдной семьи, особенно, если мы примемъ во вниманіе то, что болѣе ловкія и опытыя изъ нищенствующихъ дѣтей ухитряются зарабатывать такимъ путемъ себѣ на обувь и одежду. Само собой понятно, что всякій успѣхъ на этомъ поприщѣ легко вызываетъ подражаніе, такъ что нерѣдко отправляются съ сумою дѣти и такихъ семействъ, которыя могли бы прожить и безъ нищенства. То обстоятельство, что въ селахъ мало строгаго полицейскаго надзора за нищими и бродягами разнаго рода и что каждому желающему ходить съ сумою представляется полная свобода побираться не только въ своемъ селѣ, но и бродить гдѣ угодно, служитъ причиною того, что нищенство дѣтей во многихъ селахъ стало дѣломъ обыкновеннымъ, а мѣстами практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Бѣдность, конечно, не порокъ. Она существовала всегда и вездѣ, и нѣтъ такого счастливаго уголка на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ бы не было бѣдныхъ, гдѣ бы наряду съ роскошью и довольствомъ не было бы нищеты; мы давно уже примирились съ такимъ порядкомъ, сознавши, что неравенство въ пользованіи земными благами составляетъ неизбѣжный удѣлъ земной жизни человѣчества. Но суровая бѣдность, встрѣчающая человѣка еще въ первые и лучшіе годы его жизни на землѣ, суровая нищета, заставляющая малыхъ дѣтей надѣвать суму и ради насущнаго хлѣба бродить цѣлые дни по распутіямъ селъ и деревень, по дебрямъ и торжищамъ городовъ, вымаливая именемъ Христа и всего святѣйшаго для человѣка на землѣ и на небѣ все необходимое для себя—это во всякомъ случаѣ печальнѣйшее явленіе современной жизни, съ которымъ какъ то невольно не хочется мириться. Печально оно не только потому, что служить яркою иллюстраціей безпомощности и вопіющей нищеты людской, забдающей человѣка съ самаго начала его жизни, но и по тѣмъ пагубнымъ послѣдствіямъ, которыми оно сказывается какъ на самихъ дѣтяхъ, такъ и на жизни всего общества. Нищенство дѣтей, отъ чего бы оно не происходило, — отъ дурнаго воспитанія, бѣдности, или злоупотребленія дѣтьми взрослыхъ людей, — оно во всякомъ случаѣ противъ дѣтей и многихъ изъ нихъ ведетъ прямо въ бездну порока и нравственной гибели. Дѣти, оставаясь безъ школьнаго образованія, а также надзора и руководства родителей или старшихъ, легко привыкаютъ жить по произволу, пріучаясь добывать себѣ пропитаніе легкимъ способомъ попрошайничества, обмана и лицедейства, онѣ съ раннихъ лѣтъ втягиваются въ атмосферу этого презрѣннаго способа существованія, впитывая со всею силою дѣтской впечатлительности всю грязь уличной жизни и всякихъ притоновъ нищеты и порока. Такая жизнь развиваетъ въ сознаніи дѣтей превратный взглядъ на жизнь: дѣти отвыкаютъ отъ труда и обязанностей долга, пріобрѣтаютъ любовь къ праздности, не научаются никакому ремеслу и послѣ по неволѣ становятся не только бесполезнымъ, но и вреднымъ элементомъ въ обществѣ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что дурное воспитаніе, а тѣмъ болѣе бродяжничество и нищенство бѣдныхъ дѣтей — это главныя причины развитія въ обществѣ тунеядцевъ, профеніональных нищихъ, бродягъ и тому подобныхъ людей дурной

нравственности, которые наполняют всё грязные притоны городов, постоянно фигурируют въ полицейскихъ участкахъ и тюрьмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дитя въ какія — нибудь десять или двѣнадцать лѣтъ уже старается почему либо жить путемъ попрошайничества, на счетъ другихъ, то можно ли поручиться за то, что оно не будетъ жить этимъ способомъ и послѣ, когда выростетъ; и гдѣ гарантія того, что изъ такого дитяти впоследствии выйдетъ трезвый трудолюбивый и полезный членъ общества, а не испорченный и безнравственный человѣкъ, способный причинять одно только зло обществу?

Развитіе нищенства и бродяжничества давно уже останавливаетъ на себѣ вниманіе общества. Въ періодической печати за послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса въ пользу необходимости общественнаго призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, какъ одного изъ лучшихъ способовъ борьбы съ развитіемъ нищенства. Съ этою цѣлію въ городахъ возникаютъ благотворительныя общества, строятся пріюты, дома трудолюбія, дома для подкидышей и т. п.; заведенія специально для призрѣнія бѣднѣйшихъ дѣтей; но все это къ сожалѣнію дѣлается только въ городахъ. Что же касается до селъ, то здѣсь ничего подобнаго нѣтъ. Для всякаго человѣка, неспособнаго зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, если какая нибудь добрая семья не пріютитъ его, остается одно средство: взять палку съ сумой и идти по міру. Самая мысль объ общественномъ призрѣніи еще не проникла въ сознаніе крестьянъ. Нашъ народъ издавна привыкъ благотворить частнымъ образомъ — копейками, кусками хлѣба, горстями муки и т. п., а такой способъ благотворенія, хотя и успокоиваетъ совѣсть благотворителя, однако нисколько не содѣйствуетъ сокращенію нищеты, а только поддерживаетъ ея существованіе. А потому не мудрено, если наши села и деревни являются удобною почвою для развитія нищенства, такъ что можно съ увѣренностію сказать, что большинство нищихъ, бродящихъ по городамъ и селамъ нашей обширной Руси, представляютъ собою преимущественно продуктъ бѣднаго сельскаго населенія.

Нищенство дѣтей, такимъ образомъ, является источникомъ, который плодитъ и размножаетъ людей дурной нравственности и въ этомъ случаѣ составляетъ опасный общественный недугъ, требующій

серьезнаго леченія. Вотъ почему необходимо обратить вниманіе на положеніе бѣднѣйшихъ дѣтей въ селахъ и позаботиться объ ихъ содержаніи и воспитаніи. Нужно помнить, что благотворительность не въ томъ только состоитъ, чтобы голодныхъ кормить, нагихъ одѣвать, бездомныхъ вводить въ дома и т. д., но въ томъ преимущественно, чтобы предотвратить появленіе и развитіе нищеты, не дать развиться въ людяхъ дурнымъ наклонностямъ къ лѣни и пороку и воспитать принципы честной, нравственной жизни, а потому такія явленія какъ нищенство и бродяжничество дѣтей, остающихся безъ начальнаго образованія и воспитанія, положительно не должны имѣть мѣста ни въ какомъ обществѣ. Если уже нельзя совсѣмъ устранить нищенство бѣдныхъ людей, то пусть лучше нищенствуютъ пока взрослые, но не изощряются въ этомъ позорномъ ремеслѣ дѣти, которые при вниманіи и попеченіи общества могли бы быть вовсе не нищими, а полезными людьми. Путемъ организаціи общественной призрѣнія, а также строгаго полицейскаго надзора необходимо устранить это зло. Всякое общество должно сознавать, что основы его соціальнаго быта и внутренняго благополучія зиждутся главнымъ образомъ на нравственныхъ принципахъ, воспитанныхъ въ людяхъ, составляющихъ это общество, а потому заботы о дѣтяхъ, будущихъ членахъ этого общества, заботы о томъ, чтобы не допустить ихъ до нравственной порчи на зарѣ ихъ жизни и всесторонне содѣйствовать развитію въ нихъ добрыхъ задатковъ, лучшихъ человѣческихъ стремленій—эти заботы должны быть не только дѣломъ добровольнаго челоуѣколюбія отдѣльныхъ личностей, но и главнѣйшею обязанностію всего общества; всякое же игнорированіе этой обязанности неизбѣжно порождаетъ зло, отъ котораго страдаетъ прежде всего само общество. И если бы каждое сельское общество сознавало и дѣйствительно выполняло эту обязанность, то мы не видѣли бы подъ окнами бѣдныхъ дѣтей, просящихъ подаенія, да и вообще уменьшилось бы число нищихъ.

Бѣднѣйшихъ дѣтей, которыя за неимѣніемъ постояннаго обезпеченія принуждены жить подаеніемъ и не могутъ посѣщать школы, во всякомъ селѣ несомнѣнно найдется не много, а потому осуществить задачу общественнаго призрѣнія ихъ—дѣло во всякомъ случаѣ не трудное и не требующее значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Нужно только побольше любви и жалости къ бѣднымъ людямъ и

какъ можно меньше эгоизма, который закрываетъ отъ нашихъ взоровъ горе другихъ.

О томъ, кому надлежитъ вѣдать нужны бѣдныхъ дѣтей въ селахъ, намъ кажется лишнимъ и напоминать. У насъ уже давно господствуетъ мнѣніе, что этимъ дѣломъ должны завѣдывать церковно-приходскія попечительства, которыя въ этомъ случаѣ пользуются полномочіями и средствами отъ общества. Такія попечительства должны существовать въ каждомъ приходѣ. Сельскій батюшка, которому близки интересы и вѣдомы нужды прихожанъ, обязанъ принимать ближайшее участіе въ дѣлахъ попечительства, помогая своею опытностію и знаніями осуществленію его добрыхъ дѣлей. Положимъ и батюшка часто бываетъ обремененъ заботами по отправленію прямыхъ своихъ обязанностей по церкви и приходу, но если не личнымъ участіемъ, то силою пастырскаго слова и убѣжденія онъ можетъ побуждать своихъ прихожанъ быть сострадательными къ своимъ бѣднымъ собратьямъ и ихъ несчастнымъ дѣтямъ, съ сумою на плечахъ вымаливающимъ себѣ пропитаніе.

II. *Ястребовъ.*

Х А Р А К Т Е Р Ъ *).

Характеръ, съ которымъ мы часто обращаемся довольно небрежно, потому что не всегда правильно понимаемъ его, есть центръ внутренней жизни человѣка, основаніе его практической дѣятельности и жизненныхъ отношеній. Среди безчисленнаго множества разновидностей въ характерахъ (что ни человѣкъ—то свой нравъ) и среди всего разнообразія понятій о характерѣ (всякій имѣетъ свой взглядъ на этотъ предметъ) можно указать два крайнихъ типа и характеровъ, и мнѣній о нихъ.

Каждый изъ насъ знаетъ людей, которые во что бы то ни стало отстаиваютъ всякую свою мысль и стремятся осуществить ее. Такая настойчивость отчасти кроется въ природѣ человѣка, отчасти обуславливается его воспитаніемъ, обстановкой и положеніемъ. Эта непреклонность всего чаще питается крайнимъ самолюбіемъ, а иной разъ темпераментомъ. Я такъ думаю, я такъ хочу; всякій долженъ

*) Полоцк. Еп. Вѣд. 1898 г., № 24.

соглашаться со мной. Человѣкъ такого склада предъявляетъ другимъ свои желанія настойчиво, безапелляціонно, рѣзко, какъ будто даже не предполагая возможности иного взгляда на дѣло. Эти люди нерѣдко достигаютъ своей цѣли, потому что многіе изъ окружающихъ не имѣютъ охоты всгупать въ бесполезную борьбу, не любятъ шумныхъ объясненій, избѣгаютъ неудовольствій по брезгливости къ нимъ, подставляютъ спину непріятной погодѣ, къ которой сколько ни обращайся лицомъ, она останется непріятной. О настойчивыхъ людяхъ говорятъ: Петръ Григорьевичъ не позволитъ наступить себѣ на ногу, сумѣетъ поставить на своемъ, — удивительно сильный характеръ!

Петръ Григорьевичъ такъ и выглядитъ настойчивымъ человѣкомъ: брови немножко нахмурены, затылокъ круглый, походка твердая, манеры рѣшительныя, тонъ рѣчи самоувѣренный и пр. Совсѣмъ инымъ смотритъ Григорій Петровичъ: лицо открытое, движенія мягкія, говоритъ деликатно и спокойно, спорить осторожно, не соглашается съ вами молча, — повидямому уступчивый человѣкъ; но понаблюдайте за Гр. Петр. немного повнимательнѣй — увидите, что изъ своихъ взглядовъ и дѣйствій онъ цяди не уступитъ вамъ: повѣрить вашимъ доводамъ и сдѣлаетъ, какъ ему нравится. Такимъ образомъ, у П. Гр. и Гр. Петр. манеры разныя, а результаты, при одинаковой складкѣ, очень родственны: П. Гр. склоненъ поработить васъ, Гр. П. никогда вамъ не подчинится. Гр. Петр. называютъ сильнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что онъ отличается внѣшнею выдержкою. Проблематическіе П. Гр. и Гр. Петр. даютъ собою образецъ т. н. характера.

Семень Андреевичъ — настоящій порохъ. Что вы ему не скажете, о чемъ ни заговорите, если предметъ вашего разговора почему-нибудь не совпадаетъ съ минуемымъ вкусомъ С. А., онъ вспылитъ, перекраснѣетъ, замашетъ руками, почти закричитъ: быть не можетъ, это не такъ, я не могу, не хочу! Проходитъ нѣкоторое время, и С. А. дѣлаетъ какъ разъ то и такъ, что и какъ вы ему говорили. С. А. или сначала слишкомъ поспѣшилъ не согласиться съ вами, или потомъ почувствовалъ недовкость за свою вспышку и поэтому принялъ вашъ планъ.

Совсѣмъ другіе приемы у Андрея Семеновича. Онъ часто поддакиваетъ, соглашается съ вами; высказываетъ свои соображенія въ

такое родъ: оно конечно... вѣдь если, такъ оно... какъ вамъ сказать... вамъ собственно виднѣй... посмотримъ, какъ это будетъ... Семеномъ Андреевичемъ и Андреемъ Семеновичемъ умѣютъ пользоваться кому это нужно: къ первому примѣняется выжидательная система, ко второму краснорѣчіе. Оба они олицетворяютъ собою безхарактерность.

И Сем. Андр., и Андр. Сем. часто имѣютъ свои опредѣленныя теоретическія убѣжденія, никогда имъ не измѣняютъ въ личной мозговой и сердечной жизни; но лишь коснется дѣла (т. е. встрѣчи съ другими людьми), первый взволнуется и потеряетъ способность надлежащимъ образомъ ориентироваться въ вопросѣ, второй уклонится по застѣчивости; обоимъ мѣшаетъ не душевный складъ, а темпераментъ. С. А. и А. С. часто сами страдаютъ отъ собственнаго душевнаго склада, потому что поступаютъ иногда завѣдомо вопреки своимъ убѣжденіямъ, могутъ заставить врасплохъ и окружающихъ: уступчивость имѣетъ свои предѣлы; становятся замѣтны злоупотребленія уступчивостью, наступаетъ реакція, и т. н. безхарактерный человѣкъ обнаруживаетъ совершенно неожиданную стойкость, предъ которой становится втупикъ и пасуетъ признанный сильный характеръ.

Изъ такого перекрещиванія чертъ духовной жизни человѣка открывается, что характеровъ безусловно опредѣленнаго типа, характеровъ чистой воды почти нѣтъ. Каждый человѣкъ, какого бы настойчиваго нрава онъ ни былъ, представляетъ собою сумму природныхъ даровъ, личныхъ интересовъ и окружающихъ его постороннихъ условий. Сумма всегда равна составляющимъ его слагаемымъ, выбросьте одно слагаемое — и сумма измѣнится въ размѣрѣ выброшеннаго слагаемаго: откиньте отъ личности природныя ея свойства, индивидуальныя черты — личности нѣтъ, исключите совершенно личные благородные интересы — мы не знаемъ такихъ людей, отбросьте окружающія условія — человѣкъ не найдетъ доли въ людской жизни. Необходимо согласіе слагаемыхъ, чтобы въ суммѣ получилась полная жизнь, пріятная и полезная для живущаго, а равно и для тѣхъ, кто такъ или иначе связанъ съ нимъ, жизнь разумная и нравственная, а не эгоистическая. Если это такъ, то одна только настойчивость, совершенно забывающая положеніе и интересы тѣхъ, на кого она направляется, не есть добродѣтель: та-

кая настойчивость съ неизбежною предполагаетъ господь и рабовь, а исключительное господство на одной сторонѣ, рабство на другой не оправдывается ни человѣческими, ни божескими законами. На совершенно тѣхъ же основаніяхъ мы сомнѣваемся въ существованіи и полной безхарактерности. Человѣкъ не минералль, онъ имѣетъ душу, кровь и нервы, что даетъ ему право на индивидуальную жизнь, выражающуюся въ самостоятельныхъ взглядахъ и поступкахъ. Такъ или иначе угнетенная жизнь все-таки теплится и время отъ времени стремится заявить о себѣ. Какъ сильные характеры должны имѣть границы, такъ и безхарактерность имѣетъ свой предѣль. Не будь этого, получились бы тѣ же рабы и господа. Вмѣсто характеровъ и безхарактерностей (развѣ за очень рѣдкими исключеніями) есть настойчивые и уступчивые люди. Что желательнѣе — настойчивость или уступчивость? Та и другая одинаково желательны и одинаково нежелательны. Настойчивость симпатична и желательна тамъ, гдѣ она требуется существомъ дѣла и нравственной правдой, — обидна и вредна тамъ, гдѣ имѣетъ только формальные или личные мотивы. Уступчивость непріятна и опасна, когда страдаетъ полезное дѣло и добрые люди, — она симпатична, когда человѣкъ и дѣло сдѣлаетъ и ближняго не обидитъ. Дурна настойчивость, основывающаяся на личномъ самолюбіи, капризѣ, одностороннемъ разсчетѣ (намъ выгодно) или косности (такъ всегда было); плоха уступчивость ради уступчивости — всегда и во всемъ. Одно самолюбіе, способное доходить до нежелательной крайности, и одинъ темпераментъ, не всегда поддающійся разсудочному контролю, ненадежныя основанія для характера: вмѣсто характера можетъ получиться или самодурство, или подхалимство, — одинаково болѣзненные въ нравственномъ смыслѣ явленія, противорѣчащія понятіямъ разумной гражданственности.

Какъ нужно взяться за надлежащее воспитаніе истиннаго характера? Практическое разрѣшеніе этого вопроса непремѣнно и исключительно принадлежитъ личнымъ усиліямъ cadaго, потому что живую личность, со всѣми неуловимыми изгибами ея внутренней жизни, нельзя помѣстить въ тѣсныя рамки даже какой-нибудь ученой теоріи.

Чтобы сколько нибудь намѣтить общія основанія для выработки характера и указать приблизительный критерій для оцѣнки

его попытаемся обратиться къ такого рода соображеніямъ. Ни одинъ фактъ не можетъ явиться самъ собою и существовать особнякомъ. Каждое явленіе имѣетъ неизбѣжную обстановку въ формѣ вызвавшихъ его причинъ и вытекающихъ изъ него послѣдствій. Не можетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣка покрыться льдомъ, потому что нѣтъ въ атмосферѣ обуславливающихъ это явленіе элементовъ. Чтобы на тѣлѣ получилась ссадина, нужно получить ушибъ. Если встрѣчный на улицѣ ударитъ васъ, то онъ сумасшедшій человѣкъ: сумасшедствіе — причина удара, вашъ испугъ — слѣдствіе его. Въ виду вообще тѣсной связи между собою явленій, каждое изъ нихъ должно быть оцѣниваемо въ его обстановкѣ, и дѣятельное къ нему отношеніе должно выразиться лишь тогда, когда надлежащимъ образомъ взвѣшены причины и предусмотрѣны возможные слѣдствія. Значитъ, дѣйствующая личность, чтобы стать въ опредѣленное и правильное отношеніе къ извѣстному явленію или лицу, обязана обследовать и установить фактически-разумную правду. Это первое основаніе для нашего поведенія въ данномъ случаѣ. Совершенно воровство съ несомнѣнными уликами. Въ одномъ случаѣ воровство караютъ, въ другомъ его извиняютъ, такъ какъ мотивы воровства различны: одно — воровство профессиональное, злостный умыселъ, вредная для общества страсть; другое — минутный соблазнъ, случайность, непониманіе, неожиданность. Вздумайте взвѣшивать каждое встрѣчное обстоятельство, придется расходовать слишкомъ много времени, некогда будетъ дѣло дѣлать и жить, жизнь превратится въ угрюмую философію. Опасеніе напрасно: 1) часто обстановка факта очевидна, и для оцѣнки его не требуется ни времени, ни глубокомыслія, картина говоритъ сама за себя; 2) если нѣтъ этой очевидности, то лучше потерять время, чѣмъ произнести невѣрный приговоръ, потому что правда должна быть выше и дороже всего; 3) въ чемъ же должна заключаться жизнь человѣческая, какъ не въ умственной работѣ надъ окружающимъ? больше жизни съ открытыми глазами, чѣмъ безъ зрѣнія, тогда работа сознательнѣй и цѣль яснѣй; 4) гдѣ трудно разобратъса одному разсудку, тамъ можетъ подсказать чувство.

Одного разсудочнаго критерія для опредѣленія отношеній къ окружающему далеко недостаточно, потому что разсудокъ нашъ холоденъ, сухъ, склоненъ смотрѣть на вещи съ исключительно утилитарной стороны: для ума, въ его односторонней жизни, воров-

ство есть воровство, отвлеchenно-принципiальное правонарушенiе, отнятiе собственности у другого; чѣмъ-бы ни было вызвано воровство, укравшiй все равно воръ. Такъ всегда ставить вопросъ люди официальной настроенности. Такой однообразный и рѣшительный приговоръ часто смягчается голосомъ сердца. Для разсудка все вору одинаковы, потому что они украли, для человѣческаго чувства они могутъ быть различны, потому что они украли, для человѣческаго чувства они могутъ быть различны, потому что и самое воровство различно. Сердце не отрицаетъ факта воровства, значитъ не противорѣчитъ разсудку, но довольно вѣрно улавливаетъ смягчающiя обстоятельства и старается предупредить печальныя слѣдствiя разсудочнаго рѣшенiя. Разсудокъ соглашается съ чувствомъ, видя въ его указанiяхъ нравственную правду, которая умѣетъ карать преступность, извинять ошибку и оправдывать невинность. Караетъ вашъ разсудокъ въ конецъ испорченнаго человѣка, ваша совѣсть не страдаетъ, потому что дѣйствительно испорченному человѣку вы нравственно не повредите; если сердце не подскажетъ вамъ оправдать случайнаго грѣшника, который носить въ себѣ возможность исправиться, то вы, безъ пользы кому бы то ни было, существенно повредите этому грѣшнику, такъ какъ кара способна выбивать человѣка изъ обычной колеи, лишать его нравственной устойчивости, приучать его къ исключительности положенiя и толкать по наклонной плоскости внизъ. Карая преступность, вы обезпечиваете спокойствiе и благополучiе тѣхъ, кто страдаетъ отъ этой преступности, и дѣлаете правду; покараете неосторожность, можете погубить неосторожнаго и допустите неправду. Преступность едва ли не рѣже родится, чѣмъ воспитывается—самимъ ли преступникомъ, или окружающей его средой? Правда не въ карѣ, а въ соотвѣтствiи возмездiя съ нарушенiемъ нравственнаго порядка. Усвоенiе этого принципа второе и важное основанiе для нашего поведенiя, для выработки нашего характера.

Нравственная правда понимается людьми различно; гдѣ же мѣрка для этой правды? Безгрѣшныхъ людей нѣтъ, а обезпечивать себя отъ слишкомъ крупныхъ и постоянныхъ нравственныхъ ошибокъ есть возможность: нужно развивать въ себѣ спокойную наблюдательность и не быть крайнимъ эгоистомъ—самолубцемъ. Правда подсказывается мелочами повседневнои жизни и собственнымъ разви-

тымъ чувствомъ, а непререкаемая нравственная правда открывается религіею.

Гармоническое взаимодѣйствіе разсудка и сердца, если мы внимательно слѣдимъ за ихъ отправленіями, можно назвать реально-нравственною правдою, которая и должна лежать въ основаніи нашего характера, должна руководить нашимъ поведеніемъ. Карать или хвалить, настаивать или уступать, карать или миловать, дѣйствовать или бездѣйствовать, дѣйствовать такъ или иначе, идти вправо или влѣво можно только тогда, когда всячески взвѣшено за и противъ. Это и значить, по-нашему мнѣнію, имѣть характеръ, который выражается въ умѣнны всесторонне оцѣнить данное положеніе и въ рѣшимости поступить сообразно этой оцѣнкѣ. Не тотъ владѣеть характеромъ, кто любитъ настаивать (тѣмъ болѣе грубо) во что бы то ни стало на своемъ, а тотъ, кто, при полномъ сознаніи обоюднаго права и долга, дѣйствуетъ правдиво и гуманно. Вина злоупотребленій этими качествами характера падаетъ не на характеръ, а на тѣхъ, кто попираетъ ихъ.

Владиміръ Гычинынь.

Извѣстія и замѣтки.

— *Бесѣда Казанскаго Высокопреосвященнаго съ благочинными епархіи о состояніи церковныхъ библіотекъ.*—Высокопреосвященный Казанскій Арсеній, бесѣдуя съ прибывшими на съѣздъ (въ февралѣ мѣсяцѣ) оо-благочинными своей епархіи, указалъ имъ на тѣ недостатки, какіе онъ замѣтилъ въ церковно-приходской жизни при своемъ обзорѣніи епархіи. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на церковныя библіотеки. „Изъ того, что я видѣлъ въ этихъ библіотекахъ“, замѣчаетъ Казанскій Архипастырь, — „я вынесъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе, такъ что невольно у меня возникла мысль: да ужъ читаетъ ли чтонибудь наше духовенство? Нашелъ я въ этихъ библіотекахъ кой-какіе отрывки изъ св. отцовъ, выписанные лѣтъ 40—50 тому назадъ, разрозненныя книжки „Православнаго Собесѣдника“, „Извѣстія по Казанской епархіи“, проповѣди бывшихъ Казанскихъ архипастырей и еще кой-что. Но, видимо, духовенство не заботится о составленіи церковныхъ библіотекъ не только для руководствованія въ проповѣданіи слова Божія, но и вообще для религіознаго чтенія. Читать же духовенству весьма необходимо, чтобы

быть учительнымъ и всегда быть готовымъ дать отвѣтъ вопрошающимъ его". То, что нашель Высокопреосвящ. Казанскій въ своей епархіи, можно найти и въ любой епархіи. Разумѣется, теперь ужь это явленіе нельзя назвать общимъ, но въ то же время нельзя назвать и исключеніемъ. Добрую половину церковныхъ причтовъ надобно считать еще живущими по „доброй“ старинѣ, когда вопросъ о самообразованіи не былъ существеннымъ дѣломъ для духовенства, а это не утѣшительно.

— *Обученіе иконописанію въ Минской духовной семинаріи.* — Въ истекшемъ 1898/9 учебномъ году въ Минской духовной семинаріи, въ видѣ опыта на годъ, было введено обученіе иконописанію. Расходы на это дѣло, согласно предложенію Правленія семинаріи, были утверждены въ суммѣ 250 руб., съ заимствованіемъ ихъ изъ остаточныхъ средствъ по содержанію епархіальнаго общежитія (150 р. на жалованье учителю и 100 р. на приобрѣтеніе необходимыхъ матеріаловъ). Для обученія иконописанію былъ приглашенъ Правленіемъ семинаріи мѣстный опытный иконописецъ П. Курбатовъ, согласившійся преподавать иконописаніе за скромное вознагражденіе въ 150 руб. Для занятій иконописаніемъ о. ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Тихомъ, была уступлена довольно помѣстительная комната въ своей кхантирѣ съ особымъ ходомъ въ корридоръ. Обучаться иконописанію изъявило согласіе 46 воспитанниковъ— 19 человекъ изъ II класса, 16—изъ III-го, 6—изъ IV-го и 5 человекъ изъ V класса. Воспитанникамъ I и VI-го классовъ не было предложено занятіе иконописаніемъ, такъ какъ воспитанники I-го класса, по заявленію о. Ректора, съ трудомъ успѣвають проходить курсъ обязательныхъ предметовъ сего класса, а воспитанники VI класса въ виду краткости времени не могутъ достигнуть какихъ-либо успѣховъ въ иконописаніи. Занятія по иконописанію велись на 5 урокъ, назначенномъ вообще для изученія необязательныхъ предметовъ. Еженедѣльно на иконописаніе удѣлялось 3 урока, но учитель не ограничивался этими тремя уроками и часто, пользуясь свободнымъ временемъ воспитанниковъ, предлагалъ имъ заниматься иконописаніемъ и не въ положенное для этого время. Занятія иконописаніемъ шли очень успѣшно. По заявленію учителя иконописанія, очень многіе воспитанники обнаружили любовь и дарованіе къ занятію этимъ искусствомъ, что и было доказано ихъ работами. Такъ, двое изъ обучавшихся иконописанію воспитанниковъ могли писать къ концу года уже иконы, одинъ изъ нихъ (V кл.) написалъ икону Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, другой (IV кл.)—Нерукотворенный Образъ Спасителя. Если гдѣ-либо, то въ нашемъ Западномъ краѣ можетъ быть особенно ощутительна польза обученія иконописанію въ семинаріи, съ одной стороны при сравнительномъ недостаткѣ у насъ доступныхъ по цѣнѣ,

опытныхъ иконописцевъ, съдругой стороны при постоянной возможности у насъ для иконописанія подвергаться вліанію католичества и принимать несогласный съ духомъ православной церкви латинскій характеръ. — *Нелѣтъя основанія для ожиданія конца міра.* По вычисленіямъ астрономовъ, въ половинѣ ноября текущаго года орбита земной планеты должна пересѣчь орбиту кометы Біэлы, т. е. произойдетъ столкновение земли съ кометою. Вопросъ о томъ, каковы будутъ послѣдствія этого столкновения вызвалъ собою, особенно на Западѣ, большое количество различнаго рода рефератовъ, статей и замѣтокъ. И у насъ, даже въ Могилевѣ, получила значительное распространеніе брошюра, подъ заглавіемъ „Конецъ свѣта“. Въ средѣ простаго народа, куда проникли разсужденія по данному вопросу, получаютъ уже выводы, что дѣйствительно наступаетъ конецъ міра. На почвѣ недомыслія возможны явленія крайне нежелательныя, а потому считаемъ не лишнимъ привести научный и вполне обоснованный взглядъ на тотъ же предметъ Берлинскаго ученаго Лютцена, который посвятилъ данному вопросу специальную лекцію, выяснившую, съ одной стороны, несомнѣнность факта встрѣчи двухъ міровыхъ тѣлъ, а, съ другой стороны—безопасность этого столкновения для земного шара. Вотъ существенныя, положенія этой лекціи, какъ они приведены въ жур. „Кормчій“ (№ 32).

Извѣстно, что какъ бы ни былъ густъ хвостъ кометы, всегда черезъ него можно разглядѣть звѣзды на небѣ, въ то время, какъ достаточно даже легкаго облачка, скрыть тѣ же самыя звѣзды. Изъ этого уже достаточно явствуетъ, что кометы въ составѣ своемъ имѣютъ какую-то сильно разрыхленную массу. Последнее предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что комета Біэла, періодъ времени полного обращенія которой около $6\frac{1}{2}$ лѣтъ, за послѣднее время болѣе не появляется, что даетъ право заключить, что масса ея мало по малу распалась на части, разсѣянныя по пути, проходимому кометою. Земля, совершая свое движеніе, и встрѣчаетъ эти части и, притомъ, черезъ опредѣленные промежутки времени, по 3 раза въ теченіе каждаго столѣтія: 33, 66 и 99 годахъ. Въ настоящемъ году, слѣдовательно, земля также встрѣтитъ на своемъ пути скопище частей кометы и безвредно пройдетъ чрезъ нихъ. Единственнымъ слѣдствіемъ этого столкновения будетъ прохоженіе и стораніе въ верхнихъ слояхъ атмосферы твердыхъ частей ядра кометы, что и выразится обильнымъ потокомъ падающихъ звѣздъ, какъ это и наблюдалось уже въ 1833 и 1866 годахъ. Такъ, въ 1833 году Гумбольдтъ насчиталъ въ теченіе 1 часа около 25.000 падающихъ звѣздъ. Вообще всякій разъ, какъ мы наблюдаемъ гдѣ либо падающую звѣзду, происходитъ столкновение. Полагаютъ, что число такихъ столкновеній ежедневно происходитъ

до 10 милліоновъ. Въ такіе же дни, какъ 13 ноября, то есть въ дни паденія Леонидъ, число это значительно увеличится. Подобныя столкновенія еще никогда до сихъ поръ не причиняли ущерба какъ нашей планетѣ, такъ и ея обитателямъ. Такимъ образомъ ясно, что отъ столкновенія земли съ кометою никакой опасности ни для кого не будетъ, ни тѣмъ болѣе—кончины міра.

Самоотверженный подвигъ мальчика.—Недавно въ деревнѣ Костиной, Троицкой вол., Вятскаго уѣзда, былъ пожаръ, истребившій 6 крестьянскихъ домовъ съ пристройками. Загорѣлся домъ кр. Пѣтухова. Растерявшимися родителями былъ забытъ въ домѣ мальчикъ 1½ лѣтъ. Мать, замѣтивъ уже на улицѣ отсутствіе своего дитяти, нытаась проникнуть внутрь дома, чтобы спасти его, но такъ какъ уже все помещеніе наполнилось дымомъ, не могла отыскать его и, получивъ большіе ожоги, въ неутѣшномъ горѣ возвратилась на улицу и въ безсознательномъ состояніи упала предъ окнами своего дома. Между тѣмъ, надежда на спасеніе ребенка все уменьшалась: огонь при сильномъ вѣтрѣ дѣлалъ свое дѣло. Войти въ домъ было еще можно, но выйти назадъ не представлялось никакой возможности. Тогда-то спасителемъ погибавшаго ребенка явился его братъ, Николай Федоровъ Пѣтуховъ, 15 лѣтъ. Этотъ самоотверженный мальчикъ, со словами: „Хоть и самъ сгорю, а Митю надо достать“, смѣло провикъ внутрь дома, по плачу малютки добрался до колыбели, которая уже начинала загораться, схватилъ братишку и выбрался на улицу, получивъ самъ страшные ожоги, слѣды которыхъ останутся на всю жизнь.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Что нужно, чтобы пастырская дѣятельность была благотворна для самихъ пастырей и ихъ пасомыхъ? С.— Бѣдныя дѣти. П. *Астребцова*. — Характеръ. *Владимира Тычмына*. — Извѣстія и замѣтки.

Редакторъ *И. Пятницкій*.

Печат. дозвол. 1899 г. 19 августа. Пензорь, *Каведраальный Протоіерей Г. Михай.*
Могилевъ на Дѣпрѣ. Гипо-Литографія Ш. Фридланда.